А.Л.НИКИТИН

"ХОЖДЕНИЕ" АПОСТОЛА АНДРЕЯ И ПУТЬ "ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ"

I.

Погодному изложению событий в"Повести временных лет" (далее - ПВЛ) предшествует так называемое "введение". Как показали в своих работах А.А.Шахматов [1], а затем В.М.Истрин [2] и Н.К.Никольский [3], оно составлено из отрывков различных сочинений, в первую очередь из болгарского перевода "Хроники" Георгия Амартола и "Хронографа", сходного со списком Софийской Новгородской библиотеки. Кроме того, Шахматов находил здесь остатки гипотетического "Начального Киевского свода", который по его стемме предшествовал ПВЛ, отрывки "Сказания о грамоте словенской" и пр. В этом стройном по замыслу изложении о расселении племен, из которых самыми молодыми оказываются "словене", внимательный исследователь обнаруживает крупный вставной текст, обрывающий фразу "Полямъ же живъшим особе..." сообщением, что "по горамъ сим бе путь из варягъ въ грекы и из грькъ по Днепру...". Для удобства восприятия я привожу его в переводе по сводному тексту А.А.Шахматова [4], учитывающему разночтения древнейших списков ПВЛ - Радзивиловского [5], Ипатьевского [6], Хлебниковского [7], Переяславского [8], Лаврентьевского [9] и Академического [10].

"...по горам сим был путь из варяг в греки и из грек: по Днепру, из верховьев Днепра волок до Ловати, по Ловати войти в великое озеро Ильмерь, из которого вытекает Волхов и впадает в великое озеро Нево. Устье этого озера выходит в море Варяжское. И по тому морю идти до Рима, а от Рима (можно) по тому же морю придти к Царьграду, а от Царьграда придти в Черное море, в него же впадает река Днепр..."

Здесь текст прерывается другой вставкой, в известной мере противоречащей только что приведенной:

"Днепр же течет из Оковского леса, и течет на юг, и Двина из того же леса течет, но идет на север и втекает в море Варяжское. Из этого же леса течет на восток Волга и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалисское. Этим (путем) из Руси можно идти по Волге к болгарам и хвалиссам и дойти на востоке до жребия Симова. А по Двине - к варягам, от варяг - до Рима, а от Рима и до племени (жребия) Хамова". Затем следует продолжение первого отрывка, связанного с Днепром:

"...А Днепр впадает в Черное море тремя устьями, это море еще называют Русским, по его берегам проповедывал святой Андрей, брат Петра, как об этом сказано: "Андрей проповедывал в Синопе, а придя в Херсонес узнал, что от Херсонеса близко устье Днепровское, и захотел пойти в Рим. (Он) пришел в Днепровское устье и оттуда пошел

вверх по Днепру. И случилось ему однажды остановиться под горами на берегу. А встав на следующее утро, обратился он к бывшим с ним ученикам: "Видите ли вы эти горы и как на них воссияет благодать Божия? Будет здесь город великий и много храмов воздвигнет здесь Бог!" И взойдя на эти горы он благословил их, поставил крест, помолился Богу и сошел с той горы, на которой потом встал Киев. И пошел по Днепру вверх. И пришел в землю словен, где теперь Новгород, наблюдал живших там людей, их обычаи, и как они моются и хлещутся, и удивлялся им. И пошел в варяжскую землю и пришел в Рим, где рассказывал, скольких обратил (в христианство) и сколько видел (всего), и говорил: "Удивительные (вещи) видел я в словенской земле, когда проходил там. Видел деревянные бани, (где камни) раскаляют докрасна, потом раздеваются догола, обливают себя дубильным квасом, берут тонкие прутья и бьют себя. И так бьют, что (потом) вылезают еле живы, но обольются холодной водой и снова оживают. И так делают каждый день, никем не принуждаемы, но сами себя мучают и (называют) это мытьем, а не мучением!" И все слышавшие (этот рассказ) удивлялись. Андрей же, побыв в Риме, вернулся в Синоп".

После этого следует повторение оборванной фразы - "Полямъ (т.е. полянам.- А.Н.) же живъшемъ особе..." - развивающейся в связное повествование об этом племени до времени "Михаила цесаря", когда "начала прозываться их земля "русской"".

С точки зрения логики "введения" приведенный отрывок о "путях" и апостоле Андрее безусловно инороден, что подтверждается и разрывом единого текста о полянах. Более того, сюжет о путешествии апостола оказывается чужд для всей концепции ПВЛ, в которой дважды подчеркнуто, что "на Руси апостолы не проповедывали" и "телом апостолы здесь не бывали" [11]. Однако, признание инородности не решает проблемы самого сюжета, внесенного в ПВЛ на одной из самых ранних стадий ее формирования, поскольку отмеченный разрыв текста с повтором о полянах присутствует во всех без исключения списках, а рассказ о путешествии служит подтверждением возможности пути "из грек в варяги" и в Рим. Исключением оказывается только новгородское летописание раннего периода, не знающее ни о существовании водного пути из Киева в Новгород, ни о посещении новгородских пределов апостолом по пути в Рим. Последнее получает распространение здесь не ранее начала XVI в., когда легенда о хождении апостола и благословении им "гор киевских" усиленно развивается в применении к местной новгородской топографии [12].

Как я уже отметил, интересующий нас текст состоит не из трех частей, как представляется на первый взгляд (I-сообщение о пути "из варяг в греки", 2-сообщение о реках и 3-путешествие апостола в Рим), а из двух: I) сообщения о маршруте по Днепру в Рим, каким шел апостол из Херсонеса, и 2) разрывающей его вставкой о реках. Последняя представляется здесь безусловно инородной, поскольку путь с юга в "море Варяжское" указывается не через Ловать-Ильмень-Волхов-Ладогу, а по Западной Двине, что намного его сокращает и выпрямляет.

Текст ПВЛ, заключающий упоминание о пути "из варяг в греки и из грек" и о хождении апостола, вызвал к жизни специальную литературу, поскольку от того или иного его прочтения зависят далеко идущие выводы концептуального характера в трактовке истории древней Руси. К примеру, факт посещения апостолом Андреем территории будущей России давал возможность русскому духовенству и князьям отстаивать мысль об изначально независимой русской Церкви, основанной еще апостолом, а это, в свою очередь, освящало и подкрепляло теократические притязания Москвы - "третьего Рима".

С момента своего появления в тексте ПВЛ путь "из варяг в греки" стал играть не менее важную роль в русской историографии, став основой идеи "единой Руси", на самом деле развивавшейся на протяжении IX-XI вв. в пределах двух независимых и, повидимому, мало сообщавшихся друг с другом центрах - Киева на юге и Новгорода на севере. Позднее, уже в новое время, начиная с ХУШ в., этот "путь" широко использовался норманистами для доказательства скандинавского влияния на русскую историю, культуру и государственность. Причина этого заключалась в том, что, практически, все исследователи, обращавшиеся к этим сюжетам (т.е. "пути из варяг в греки" и "хождению" апостола), рассматривали их отдельно друг от друга. В результате, одни приходили к выводу о безусловной достоверности существования указанного пути по Днепру через Ильмень в Балтику, которым должны были пользоваться "варяги", т.е. скандинавы, "основавшие" Русское государство сначала в Новгороде (Рюрик), а затем перенесшие столицу в Киев (Олег, Игорь), другие же, придя к безусловно правильному выводу о невозможности совершения апостолом в I в. н.э. такого путешествия, свое внимание направляли на выяснение времени и обстоятельств сложения этой легенды на Руси.

Между тем, все далеко не так просто и однозначно. Чтобы разобраться, почему данный текст попал в ПВЛ и какую информацию

он содержит, следует выяснить историю его возникновения и понять заложенный в нем смысл, поскольку неправильное прочтение источника, используемого в качестве одного из "краеугольных камней" в разработке ранней русской истории, порождает искажение всей исторической картины той эпохи.

Одним из первых легендой о посещении апостолом пределов будущей России заинтересовался византинист В.Г.Васильевский, работы которого - "Два письма византийского императора Михаила УП Дуки к Всеволоду Ярославичу" [13] и "Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян" [14] - долгое время служили основанием для выводов историков, а именно: I) что многочисленные апокрифические жития и деяния апостола Андрея имели свое происхождение в среде гностиков, манихеев и еретиков, 2) что интерес к апостолу у византийских церковных писателей почему-то пробуждается во второй половине IX и в начале X вв., так что русская легенда, вероятнее всего, происходит из греческой среды и возникла независимо от ПВЛ, и 3) что временем ее проникновения на Русь можно полагать середину или вторую половину XI в. Последнее историк заключал на основании намека, обнаруженного им в письме византийского императора Михаила УП Дуки (I07I-I078), как он полагал, адресованного русскому князю Всеволоду Ярославичу (I030-I093), что "в наших государствах одни и те же самовидцы божественного таинства (т.е. воскресения. - А.Н.) и его вестники (т.е. апостолы. - А.Н.) провозгласили слово Евангелия".

Легенда о хождении апостола Андрея вверх по Днепру поднимала престиж русской Церкви и государства, для этого она и была внесена в ПВЛ, - такой была единодушная мысль всех исследователей легенды прошлого и начала нашего века, и в этом они были правы, признавая в то же время "баснословие" самого известия. Историк русской Церкви Е.Е.Голубинский, полагая чисто русское происхождение легенды и обращая особое внимание на маршрут апостола, оставленный без рассмотрения В.Г.Васильевским, по этому поводу с иронией писал: "Греческие сказания не давали никакого основания утверждать, чтобы св. Андрей путешествовал в нашу Русь нарочным образом (т.е. специально. - А.Н.); измыслить это помимо сказаний составители Повести (т.е. ПВЛ. - А.Н.) тоже находили слишком невероятным и неправдоподобным. Оставалось измыслить посещение случайное, мимоходное: и вот появилось путешествие из Корсуни в Рим, держанное им через Киев и Новгород. Посылать апостола из Корсуни в Рим помянутым путем есть одно и то же, что посылать

кого-нибудь из Москвы в Петербург путем на Архангельск; но составители Повести /.../ имея недостаточные географические сведения, вероятно, считали его только немного более длинным, чем прямой путь по морю Средиземному..." [15]

Новое, наиболее обстоятельное исследование данного сюжета было предпринято И.И.Малышевским, однако и оно носило только предварительный характер. Историк подтвердил, что в IX-X вв. отмечен особый интерес к апостолу Андрею в Византии, памятником чего осталось "Похвальное слово апостолу Андрею", принадлежащее Никите Пафлагонскому, и что создатель русского "хождения" вероятнее всего был знаком с трудом Епифания Кипрского, у которого апостол после каждого своего путешествия возвращается в Синоп - так же, как отмечено и в ПВЛ. Поскольку же ни в одном из житий Андрея не сказано, что он когда-либо посетил Рим, историк полагал, что последнее заимствовано из неизвестных нам "варяжских сказаний", подобно тому, как легенда о призвании князей находит соответствие в Англии у Видукинда Корвейского, а "колеса Олега" и "воробьи Ольги" (намек на обстоятельства сожжения Ольгой города Коростеня) - в исландских сагах.[16]

Соглашаясь с Васильевским о времени проникновения на Русь известия об апостоле во второй половине XI в., Малышевский подтвердил это весьма серьезными наблюдениями, указав на традиционное почитание имени Андрея в семье Всеволода Ярославича. "Андреем" был в крещении наречен сам князь, в 1086 г. им была выстроена знаменитая Андреевская церковь в Киеве, рядом с которой был создан женский монастырь, куда постриглась его дочь Янка, а в 1090 г. в "его" Переяславле епископ Ефрем также возвел каменную церковь св. Андрея и, что особенно любопытно, "каменное банное строение, подобного которому на Руси еще не было", как замечает летопись. Из последнего факта Малышевский не делал никаких определенных выводов, однако указывал на бросающуюся в глаза параллель с легендой, где упоминается о "новгородских банях". Он же отметил, что накануне строительства церкви Андрея в Переяславле Янка, ставшая игуменьей Андреевского монастыря, совершила путешествие в Константинополь и вернулась оттуда с митрополитом Иоанном (скопцом). Эта поездка, по мнению Малышевского, позволяет предполагать заимствование Янкой легенды об Андрее в византийских церковных кругах, где она вращалась.

Не повлияла ли легенда и на "банное строительство" Ефрема?

В самом деле, почему автор легенды не оставил в памяти апос-

тола, "прошедшего" по всей будущей Руси, ничего, кроме новгородских бань? Рассуждения историков по этому поводу сводятся к предположению о желании автора-киевлянина "уязвить" новгородцев, посмеявшись над ними. Подобное объяснение было справедливо подвергнуто сомнению еще Голубинским, и не только потому, что киевляне мылись так же, как и новгородцы. Историк указал на разработку данного сюжета в латиноязычной литературе XVI в. Некий Дионисий Фабриций, пробст (настоятель) кирхи в Феллине, в изданном им сборнике рассказов из истории Ливонии поместил анекдот, связанный с монахами монастыря Фалькенау под Дерптом (ныне Тарту), сюжет которого восходит к XIII в. В этом фаблио рассказывается, как монахи недавно основанного доминиканского монастыря добивались от Рима денежной субсидии и просьбу подкрепили следующим свидетельством своего аскетического времяпрепровождения: каждый день, собравшись в специально выстроенном помещении, они разжигают печь так сильно, как только можно терпеть жар, после чего раздеваются, хлещут себя прутьями, а затем обливаются ледяной водой. Таким способом они борятся с искушающими их плотскими страстями. Из Рима был послан итальянец, чтобы проверить истинность описанного. Во время подобной банной процедуры он едва не отдал Богу душу и поскорее убрался в Рим, засвидетельствовав там истинность мученичества монахов, которые и получили просимую дотацию [17].

Малышевский полагал, что у рассказа ПВЛ и фаблио Фабрициуса был какой-то общий источник, восходивший к еще большей древности. Что же касается времени внесения "хождения" в ПВЛ, то сам историк считал наиболее вероятной эпоху митрополита Климента (1147-1155), т.е. середину XII в., когда в Киеве была предпринята попытка ослабить зависимость русской Церкви от Константинополя ссылкой на основание ее апостолом.

Из последующих работ наиболее примечательно исследование А.Седельникова, повторившего своих предшественников, но пришедшего к заключению, что "хождение" было написано с позиций антигреческих, т.е. исходило из среды русского общества, ориентированного на Рим и католичество. Тем самым, полагал он, решается вопрос о заимствовании из легенды "банного сюжета" монахами-доминиканцами, поскольку доминиканцы появились в XIII в. в Ливонии уже после того, как достаточно активно проявили себя в Киеве, а потому могли знать легенду об Андрее [18].

Попытку подвести итоги предшествующим исследованиям и показать возможность нового подхода к легенде предпринял в конце

30-х гг. нашего века А.Погодин. Новым в его работе была лишь постановка вопроса о кавказском происхождении предания, что не пошло дальше общих рассуждений и указаний на весьма сомнительные параллели легенды о Кие с легендами об основании Куара в Армении и "состязании вер" перед лицом князя Владимира, которые автор полагал полученными на Руси с Кавказа через Тьмуторокань[I]

В середине 50-х гг. устоявшиеся взгляды русских историков на связь"хождения" Андрея с письмом Михаила УП Дуки были подорваны исследованием М.В.Левченко, который весьма аргументированно показал, что письма византийского императора не только не могли быть адресованы русскому князю, но и в них самих не содержится никакого "намека" на апостола Андрея [20]. Окончательный отказ от прежних воззрений такого рода был сформулирован Л.Мюллером, впервые с определенностью заявившим, что в контексте ПВЛ "хождение" апостола играло географическую, а не политико-религиозную роль, подтверждая реальность указанного выше пути в Рим. Правда, историк уклонился от ответа на вопрос об актуальности для конца XI в. пути из Черного моря в Рим через "море Варяжское", поэтому для выхода из создавшегося положения он ограничился рассмотрением вопроса, зачем самому Андрею могло понадобиться быть в Риме, и нашел в качестве ответа параллель в средневизантийской легенде, сообщавшей о путешествии Андрея к брату в Иерусалим. Поскольку же в действительности Петр находился в Риме, то, по мнению Мюллера, автору "хождения" было естественно отправить туда же и Андрея, чтобы последний мог "рассказать о своих делах и результатах миссионерской деятельности". Что же касается "анекдота о парильне", то летописец "вставил его от себя", услышав его на Севере, быть может "от Гюряты Роговича, с которым /.../ разговаривал около I096 г.", так как "анекдот о парильне имел самостоятельное хождение в Новгороде (?! - А.Н.) еще до того, как его включили в сказание об Андрее..." [2I]

Находящаяся в том же сборнике, что и статья Миллера, статья А.Г.Кузьмина об апостоле Андрее, в отличие от предыдущей работы, не прибавила ничего существенного к уже известному кроме осторожного указания на возможность какого-то иного местоположения "пути из варяг", начинавшегося, по словам Адама Бременского, от города Волина в устье Одера на Балтике [22]. Что же касается следующей по времени работы А.Н.Робинсона, то ее содержанием стал не анализ загадочного текста, а изложение с позиций крайнего норманизма

взглядов автора на историю древней Руси, "стержнем" которой, по его мнению, и был пресловутый путь "из варяг в греки" [23].

Итак, за полтора прошедших века изучения "хождения" апостола Андрея вверх по Днепру исследователи могли установить только, что оно не находит себе аналогий в литературной традиции Востока и Запада, т.е. безусловно оригинально, и не получает фактического объяснения избранного апостолом маршрута, будучи само подтверждением возможности движения по пути "из варяг в греки и из грек". Скорее всего, "хождение" явилось сокращением или отрывком какого-то самостоятельного произведения об апостоле Андрее, существовавшего ранее ПВЛ и независимо от нее. Что касается эпизода со "словенскими банями", то его бытование в другом контексте (фаблио о монахах монастыря Фалькенау) оставляет открытым вопрос о его происхождении, который, впрочем, никак не влияет на загадку "хождения" самого апостола.

Из этого следует, что первоочередной задачей историка остается выяснение реальности маршрута апостола. Однако он практически не нашел своих исследователей, кроме В.А.Брима, который уже в первых строках итоговой работы был вынужден сообщить, что "путь из варяг в греки нигде в литературе того времени не описан", хотя честнее было бы сказать, что кроме указанного места ПВЛ он нигде больше и не назван. Поэтому Бриму пришлось довольствоваться приведенными выше сведениями, присовокупляя к ним различные исторические, археологические и литературные факты, непосредственно с этим "путем" не связанные. Вполне естественно, что полученные таким способом выводы, что на пути из варяг в греки "лежали наиболее важные торговые эмпории Северной и Восточной Европы" или что "указанными путями /.../ пользовались паломники в Иерусалим и Палестину", равно как и утверждение о проникновении скандинавов на Русь вверх по Западной Двине [24], оказываются всего только домыслами автора.

То же приходится сказать и о работе М.Б.Свердлова, посвященной транзитным путям Восточной Европы, в которой он сравнивает сообщение ПВЛ о пути "из варяг в греки" с сообщением Адама Бременского о пути из Швеции в Византию, приходя к заключению об их тождественности на днепровском отрезке, хотя и вынужден сказать, что "в последнее время в литературе вновь поднят вопрос о незначительной роли пути "из варяг в греки"" [25].

Особую позицию в решении этой проблемы занял Б.А.Рыбаков. Он возвращался к ней неоднократно, утверждая, что во "введении" ПВЛ

речь идет не о пути "из варяг в греки и из грек", а только о пути "из грек" - вверх по Днепру. Что же касается обратного маршрута, каким отправился Андрей в Рим, то, по его мнению, это был морской путь, которым апостол шел вокруг всей Европы - по Балтике, Северному морю, Бискайскому заливу, Атлантическому океану и через Гибралтар в Средиземное море - сначала в Рим, а затем и в Константинополь.[26]

Такой парадоксальный вывод, ничего общего не имеющий с реальностью, был сделан им в результате дословного прочтения текста ПВЛ, что путь апостола шел "по морю Варяжскому до Рима". С другой стороны (и это действительно серьезный аргумент, с которым приходится считаться историку, тем более - археологу), современная археологическая изученность Восточной Европы никоим образом не подтверждает реальное использование маршрута, каким был отправлен из Херсонеса в Рим многострадальный апостол. На берегах Днепра, исключая очень локальные районы Киева и Смоленска, не говоря уже о берегах Ловати, отсутствуют находки (монеты, украшения, оружие и пр.), которые свидетельствовали бы о наличии здесь постоянного движения с юга на север и обратно, как то можно видеть по находкам на Верхней Волге, на Ладоге, на Западной Двине и в ряде других мест. Не потому ли и потребовалась апелляция к авторитету Андрея, что в действительности маршрут этот никому не был известен?

Как можно видеть, расширение границ вопроса и включение в его разработку новых источников, например, Адама Бременского, указавшего, как заметил А.Г.Кузьмин, что путь с берегов Балтики в Константинополь шел из Волина через Новгород и Киев, не только не прояснило, но еще более запутало ситуацию. Поэтому начинать анализ ее следует с фактора географического - с кратчайшего пути, который мог связывать регион Балтийского моря с Черным морем и Константинополем, тем более, что он хорошо известен археологам.

2.

Речь идет об основном трансевропейском торговом пути, известном с глубочайшей древности.

По воде этот путь в античное время начинался в дельте Дуная, где еще в УП в. до н.э. милетскими колонистами был основан большой город, получивший название "Истрия", и шел вверх по реке до знаменитых дунайских порогов, вполне аналогичных днепровским, но почему-то совершенно выпавших из поля зрения историков. Впрочем,

основной путь был не водным, а сухопутным. Он начинался у стен Константинополя на Босфоре, шел через Адрианополь, выходил на "Троянову дорогу", которая от Истрии вела к Филиппополю (ныне Пловдив), далее шел на Средец (ныне София) и постепенно сближался с Дунаем в районе Руси (ныне Русе). Следуя вверх по правому берегу Дуная, он, проходя через Ниш, достигал Белграда и там раздваивался. Одна его ветвь уклонялась к западу на Триест и Адриатику, а другая, основная, поднималась вдоль Дуная и с его верхнего течения переходила или на Рейн (это был путь на Британские острова, во Фландрию и Фризию) или на Эльбу (Лабу) и Одер (Одру), и даже на Вислу, что выводило путешественника кратчайшим путем на славянское Поморье, к Ютландии (Дании) и далее в Швецию и Норвегию. Стоит вспомнить, что именно здесь, на славянском Поморье, в устье Одера, у Волина, по словам Адама Бременского начинался обратный путь на юг.

Существование этого пути еще в раннем неолите (IX-УШ тыс. до н.э.) отмечено непрерывной полосой находок изделий из раковин Spondylus, а также самими раковинами, которые распространены только в Черном, Мраморном и Эгейском морях. Для эпохи бронзы этот путь отмечен находками орнаментированных сосудов так называемой "унетицкой культуры". Обратное же движение по нему с берегов Балтики маркировано множеством янтарных предметов и кусками необработанного янтаря, который добывали на западном берегу Ютландии и отчасти в Поморье. Движение этого драгоценного минерала, столь излюбленного в античное время, отмечено единым потоком вниз по Дунаю до современного Дьера на Рабе, где он делился на две ветви. Одна из них шла через Каринтию к Триесту и Венеции на Адриатическом море, чтобы закончиться в Риме, другая же указывала движение на Константинополь и в Малую Азию [27].

Это и был кратчайший, наиболее удобный путь из Северной Европы в Византию, которым пользовались все без исключения торговцы и путешественники европейского Севера в Святую Землю, а также стремившиеся в Царьград авантюристы. Вот почему категорическое утверждение И.Б.Свердлова, что скандинавские паломники в Иерусалим двигались по днепровскому пути, вызвано невнимательностью к имеющейся литературе: никаких фактов, говорящих в пользу такого утверждения, нет, а специальное исследование о скандинавских пилигримах П.П.Вяземского дает вполне отрицательный результат. Последний со свойственной ему скрупулезностью изучил свидетельства исландских саг и северных хроник и пришел к заключению, что единственный случай, описанный в Кнутлингасаге, на который ссылаются историки (там го-

ворится о короле Эйрике, ходившем в 1098 г. на поклонение в Рим и Бари "через Россию") – всего только недоразумение, поскольку в публикации, на которую делаются ссылки, издателем пропущен текст, где рассказывается о пути Эйрика через Германию, где его встречали духовенство и император, причем последний дал Эйрику "проводников" (повидимому, охрану) до самого Константинополя [28].

К бесспорным свидетельствам письменных и археологических источников об этом пути стоит сделать несколько пояснений, важных и для понимания общей ситуации той эпохи.

Обычное (для средневековых текстов) указание пути "по рекам" современный читатель и даже профессиональный историк, как правило, воспринимают адекватно, полагая, что речь идет о водном пути. Между тем, это далеко не так. В древности, да и в более поздние времена, путями сообщения служили не столько водные потоки, сколько их долины с открытыми и ровными поймами, на которых располагались селения, города, замки, связанные удобными и, что особенно важно, относительно безопасными дорогами, проложенными на пространстве Европы еще в римское время. По мере возможности, эти дороги обходили стороной горные массивы и леса, трудные для преодоления, опасные разбойниками, а главное – малонаселенные и потому не представляющие интереса для торговцев.

Что касается собственно водных потоков, то ими пользовались при совершении поездок (или перевоза грузов) в пределах одной водной системы (вверх и вниз по реке или на участке река-море), особенно при наличии объемных и тяжелых грузов, а также чтобы сократить количество перевалочных пунктов. В путешествие по воде отправлялись только в том случае, если конечная цель отстояла от начала путешествия на сотни и тысячи километров, а большую часть этого расстояния можно было пройти по реке. Классическим примером такого маршрута служит Великий восточный путь. Он начинался в Дании, шел по Балтике до Финского залива, а далее по разным водным системам достигал Волги, чтобы закончиться на берегах "моря Хвалисского", т.е. Каспийского. И все же северные морские суда, приходившие с Балтики, приходилось оставлять в Ладоге, т.к. из-за порогов на Волхове они не могли подняться даже до Новгорода Великого. Поэтому можно думать, что дальнейшее плавание по рекам внутренней России западные купцы и искатели приключений, многочисленные следы которых археологи находят на берегах Верхней Волги до устья Оки, совершали на других судах, более приспособ-

ленных для преодоления подводных и наземных препятствий.

Достоверными свидетелями таких традиционных путей средневековья на берегах европейских рек являются инокультурные поселения, комплексы подобных вещей в погребениях, распространение чужестранных монет и такие же монетные клады. Так последние особенно наглядно показывают движение восточного серебра (диргемы) из бассейна Нижней и Средней Волги в район Балтийского моря двумя путями. Первый из них шел вверх по Волге и Тверце в новгородские пределы, а далее через Финский залив на Аландские острова и Готланд; второй связывал Среднюю Волгу через Оку с Западной Двиной, пересекая Днепр у Смоленска. Этот последний путь тоже раздваивался: одна его ветвь спускалась в Рижский залив, а другая вела по суше на Краков. Столь же важным, но уже полностью сухопутным, был торговый путь, связующий Среднюю Азию (и Азербайджан с Ираном) с Киевом, откуда он шел дальше на запад, к Праге. Он особенно наглядно показывает, что восточные и европейские торговцы предпочитали нелегкий путь по изрезанному оврагами и верховьями рек пространству Русской равнины казалось бы спокойному и удобному плаванию вниз по Дону, а затем по Черному морю к гирлам Дуная и к Босфору [29].

Рассматривая с таких позиций вопрос о пути "из варяг в греки" по Днепру, обнаруживается не только полное отсутствие свидетельств, подтверждающих его существование, но и ряд фактов, прямо говорящих о его мифичности. Первым таким свидетельством является географический экскурс, вклинившийся в текст прямо за описанием "пути", который указывает выход из "Оковского леса" (т.е. с верховьев Днепра) в "море Варяжское" не по Ловати, а по Западной Двине. Последнее более логично уже потому, что между речными системами Днепра и Ловати лежат два труднопроходимых водораздела, обособляющие бассейн Западной Двины. Стоит заметить, что и протяженность маршрута с верховьев Днепра в Балтику через Новгород на Волхове увеличивает путь более чем в пять раз. Насколько он труден и недостоверен, можно судить по недавней попытке ленинградских энтузиастов пройти его по воде и волоками летом 1987 г. Несмотря на то, что их ялы и шлюпки были много легче древнерусских и скандинавских лодий, а уровень воды в гидросистемах стоял почти на 5 м. выше, чем в IX-XI вв., большую часть маршрута они смогли преодолеть только с помощью тяжелых армейских вездеходов, на которых везли свои суда от озера к озеру.

Другим, столь же впечатляющим аргументом против существования "днепровского" маршрута служит наличие двух транзитных путей, пересекающих Днепр у Киева и Смоленска, между которыми на берегах этой реки практически отсутствуют свидетельства оживленного движения людей и грузов в указанное время. Единичные же находки, которыми располагает наука, только подтверждают этот разрыв между трассами торговых потоков [30].

В связи с этим следует остановиться еще на одном историческом документе, прочно вошедшем в источниковедение древней Руси, как свидетельство существования пути "из варяг в греки", хотя сам он порождает много недоуменных вопросов. Речь идет о главе "о росах" сочинения византийского императора Константина Багрянородного (правильнее - "порфирородного", поскольку он был рожден в зале, украшенной порфиром, а не "багрянцем") "Об управлении империей". Текст содержит рассказ о том, как славянские племена, данники "росов", живущих в Киеве, рубят зимой в верховьях Днепра лес, делают "однодревки" (моноксилы), весной сплавляют их к Киеву, где росы их оснащают и, нагрузив товаром и невольниками, начинают трудное и опасное путешествие вниз по реке, через пороги, к Черному морю и далее, вдоль его западного побережья, к Константинополю. Как отмечали многие историки, в этом сообщении не содержится никаких сведений о "транзитности" пути по Днепру вниз, а тем более - вверх; нигде не сказано, что "росы" - скандинавы, и нет никаких оснований полагать, что они появляются в Киеве из Новгорода или откуда-то еще. Наоборот, заключительный сюжет этой главы , сообщающий о "полюдье" росов, объезжающих в течение зимы подвластные им славянские области и собирающих дань, говорит об их туземности или, во всяком случае, "укорененности" на протяжении достаточно долгого срока в этой стране [31].

Таким образом, весь имеющийся в распоряжении историка круг свидетельств говорит в пользу дунайского, а не днепровского пути. Принять его мешает только прямое указание Адама Бременского на Новгород и Киев, как транзитные пункты на пути в Константинополь, и на Днепр, а не на Дунай, в тексте ПВЛ. Но так ли это препятствие безусловно?

На исторических картах славянского Поморья рубежа I-П тыс. н.э., охватывающих территорию современной Германии и Польши, можно обнаружить топонимы, соответствующие топонимам русской летописи, в первую очередь "Новград", "Ноград" и пр. Россыпь "но-

вых городов" тянется от Балтийского моря до Черного вдоль дунайского пути. Здесь же мы найдем "Вышгороды", "Вышеграды", "Черноград" и др.[32] Что же касается "исключительно русского" топонима "Киев", то его близнеца на Дунае указывает уже ПВЛ. В действительности же, как показал болгарский филолог Н.П.Ковачев, только в письменных источниках X-XШ вв. на территории Балкан, Центральной и Восточной Европы отмечено около семи десятков "Киевов"[33]. Немало насчитывается и "Переяславлей", протянувшихся от Дуная до Верхней Волги. Наконец, крайне любопытную группу на Нижнем Дунае в районе его притока Олта образуют древние города - Хорсов, Новград, Гюргев, Тутракан (Тьмутороканъ?) и Русе - причем последний в своем древнем написании дает хорошо знакомую нам "Русь". Как показывают находки, все эти города возникли здесь до XI в. и не могут быть объяснены "переселенцами" из киевской Руси в монгольское время[34].

С другой стороны, хорошо известна путаница в названиях рек, с которой встречается исследователь древних и фольклорных текстов. Классическим примером может служить устойчивое упоминание "Дуная" вместо Дона в памятниках Куликовского цикла или в "Слове о полку Игореве", где Ярославна обращается сначала к Днепру, чтобы тот "прилелеял к ней ее ладу", а затем заявляет, что полетит чайкой "по Дунаю". Такая же путаница проявляется и в фольклорных текстах, что не совсем убедительно объясняют народными "припоминаниями" о давней прародине славян.

В случае с апостолом Андреем противоречие между Днепром и Дунаем разрешается очень просто, поскольку в большинстве древних и исправных текстов ПВЛ отмечена фантастическая - с точки зрения исторической географии - картина, когда "Днепр втекает в Черное море тремя устьями". Факт этот в высшей степени примечателен, поскольку исключает возможность ошибочной правки редакторов и переписчиков, ибо реальный Днепр в исторически обозримое время (геологическое) неизменно впадал в Черное море одним устьем. Последнее было хорошо известно на Руси и даже заставило монаха Лаврентия в своем списке ПВЛ соответственно изменить "тремя жерелы" на "жерелом"[35]. Наоборот, при столь же неизменном наличии у Дуная семи рукавов дельты, традиционно указывают только на три главнейшие - Килийское, Сулинское и Св.Георгия. Эти "три жерела" и обозначены в ПВЛ у реки, избранной апостолом для своего путешествия.

Другими словами, здесь можно утверждать не сочиненное специально во славу русской Церкви и Русской земли "хождение" апостола, как то предполагалось ранее, а укоренение на русской почве уже существовавшего произведения, имевшего кроме агиографического еще и географическое содержание - тот традиционный путь"из варяг в греки и из грек" по Дунаю, который русским летописцем был перенесен на Днепр, исказив историческую перспективу и [illegible]ееся смятение в умы позднейших исследователей. Понимая, по-видимому, несообразность приключившегося, летописец или один из последующих редакторов попытался исправить положение, перекинув "волок" с верховьев Днепра на Ловать, быть может даже не подозревая об истинном расстоянии между ними и встающих здесь преградах, поскольку путь этот, по глубокому убеждению изучавшего его А.М.Микляева, мог быть использован разве только в зимнее время [36].

Установление истинного маршрута "хождения" коренным образом меняет и ситуацию с апостолом, поскольку его появление в дунайском регионе вполне согласуется со сведениями о его "жребии" и проповеднической деятельности, чего никак нельзя было сказать о днепровском направлении. Исходя из наиболее ранних свидетельств - Евсевия Кесарийского (ум. в 340 г.) и Евхерия Лионского (ум. в 449 г.) - уделом ("жребием") апостола Андрея была "Скифия", включавшая в себя не только земли, прилегавшие с севера и запада к Черному морю, но и Анатолию с центром в Синопе. Оттуда он отправлялся в свои путешествия - на Тамань, в Приазовье, на Кавказ, а затем и в Ахайю (Эллада), где был распят в Патрах и там же погребен. Такова литературная традиция, позволяющая с достоверностью говорить только о его пребывании в Синопе и в Патрах. Любопытным дополнением к житиям Андрея служат многочисленные "каталоги" раннего средневековья - "О двенадцати апостолах: где каждый из них проповедывал и где скончался" - в которых, кроме перечисленных территорий, указана Фракия, прилегающая к Дунаю [37]. Другими словами, хождение апостола вверх по Дунаю (в отличие от хождения по Днепру) оказывалось в полном согласии с исторической традицией, обнаруживающей апостола и на Британских островах, куда он мог попасть только следуя дунайским маршрутом [38].

Однако, зачем вообще было нужно посылать апостола в Рим? Вопрос этот тревожил всех исследователей и каждый из них пытался по-своему объяснить загадочную цель его стремления. В тексте со-

держится только констатация, что Андрей "захотел пойти в Рим", а в самом Риме ограничился рассказом "о земле словен", описанной им в анекдотической форме.

Оставляя в стороне домыслы, вроде того, что апостолу "захотелось повидать брата Петра", или что ему надо было "отчитаться в миссионерской деятельности" (хотя в то время еще не существовало конгрегаций Святого Престола), стоит отметить удивительную "сдержанность" апостола на его пути в Рим. Андрей предстает только путешественником, он не обращается с проповедью к местным жителям и не пытается никого обратить в христианство. Если последнее можно объяснить тем, что "горы киевские" (т.е. дунайские) были безлюдны и дики, то отсутствие проповеди у "словен" заставляет предположить, что обращение их или уже свершилось, или ему еще не настало время и это сделает кто-то другой. Похоже, в последнем и заключена разгадка.

В самом деле, любая легенда, основанная на квазиисторических фактах и обращенная в прошлое, показывает как бы предвосхищение событий, не называемых прямо, однако понятных современникам без пояснений. Церковная же легенда в момент создания всегда актуальна: она не историографична, а историософична. Не случайно большинство историков полагало целью хождения апостола утверждение авторитета молодой русской Церкви, для чего легенда и была внесена в ПВЛ. В своем же изначальном варианте (дунайском) она предрекала задним числом обращение народов, которые еще только должны были появиться в этих местах, т.е. болгар, принявших крещение в 60-е гг. IX в., и "словен" - "они же норики", упоминаемых во "введении" ПВЛ как расселившихся позднее по Дунаю, "где есть ныне Угорская земля и Болгарская". Предположение это подтверждается следующими фактами.

Первым и самым серьезным из них является наблюдение предшествующих исследователей, что легенда не имеет аналога в греко-латинской агиографической традиции, связанной с личностью Андрея Первозванного, будучи продуктом исключительно славянской историософической мысли [39]. Теперь можно утверждать, что она связана первоначально не с древней Русью; на которую была только перенесена, а с дунайским регионом, т.е. с теми самыми "словенами", обитавшими в Великой Моравии и Паннонии, где, к слову сказать, находились и "Новогарды", столь схожие с "Немогардами" Константина Багрянородного. Другим фактом, хорошо согласующимся с ука-

занным выводом, является интерес к апостолу Андрею в Византии, отмеченный именно во второй половине IX в., когда произошло "обретение" славянской письменности и крещение болгар.

Еще более точную дату содержит в себе сам текст легенды, если взглянуть на него сквозь призму международных событий того времени.

Отказавшись от Днепра в пользу Дуная, историк меняет не просто географические ориентиры, но попадает в совершенно иную политико-географическую ситуацию. Все правобережье Дуная от Германии до Черного моря в раннем средневековье представляло остатки римского "лимеса" - укрепленной пограничной системы путей, городов и сторожевых постов, охранявших от варваров с востока и севера границы Империи. Когда-то здесь от крепости к крепости, от города к городу вели надежные, мощеные камнем дороги, которыми пользовались и тысячелетие спустя. На определенном расстоянии друг от друга располагались сторожевые посты и почтовые станции, где можно было сменить лошадей, переночевать под охраной гарнизона и на следующее утро отправиться далее. Именно лимес, а не море, связывал на протяжении столетий центры сначала одной, а затем двух империй. Но к интересующему нас времени все это давно кануло в прошлое.

Великое переселение народов, ускорив гибель Западной Римской империи, разрушило дунайский лимес и надолго прервало регулярные связи между Константинополем и Центральной Европой. Они стали теперь опасны, а порой и невозможны. Подунавье оказалось во власти кочевых орд, прибывавших с востока и севера. Вестготы, гунны, авары оставались здесь сравнительно недолго, напоминая саранчу, готовящуюся к перелету на другое поле. Все изменилось, когда на Нижнем Дунае во второй половине УП в. появилась болгарская орда хана Аспаруха, которой было суждено стать ядром будущего государства. И все же прошло, по меньшей мере, два столетия, пока кочевые болгары, попавшие в славяноязычную среду, изменились настолько, что смогли не просто принять христианство, но и приступить к созданию исключительного по взлету культуры Первого Болгарского царства. В 865 г. болгарский царь Борис принял крещение под именем Михаила, став союзником Империи и открыв, тем самым, новую фазу в политической и культурной истории славяно-болгарского народа. Но между Болгарией и Византией возникли споры о подчинении новой Церкви, поэтому, использовав нали-

чие в стране римских миссионеров, летом 866 г. Борис-Михаил отправил в Рим посольство, которое вернулось в конце того же года с папскими легатами, направлявшимися в Константинополь [40].

Значение этого события – установление связи между Римом и Константинополем – нам сейчас трудно представить, даже имея на руках письма папы Николая I к реймскому архиепископу Хинкмару, где он возносит хвалу Богу, что снова стал возможен путь по суше между Византией и Римом, и письмо папского легата Анастасия Библиотекаря, в котором отмечена радость византийского императора по поводу наконец-то снова открывшегося пути через Болгарию, поскольку в ином случае "посланцы апостольского престола не увидели бы ни моего лица, ни снова Рима" [41]. В свете таких свидетельств ирония Е.Е.Голубинского, для которого (как и для нас) морской путь из Константинополя в Рим представлялся вполне естественным, оказывается неоправданной. На морском пути, достаточно трудном и ненадежном в силу чисто природных условий, главную опасность на протяжении многих столетий представляли греческие и арабские пираты, контролировавшие в то время все пространство Средиземного моря.

Легенда о путешествии апостола Андрея с берегов Черного моря в Рим несла в себе, таким образом, отклик на самое яркое и важное событие второй половины IX в., и потому можно думать, что появилась она в эти же годы. Такой вывод, основанный на большом количестве независимых фактов, может быть признан достаточным в отношении текста легенды, поскольку выяснено его содержание и наиболее вероятное время появления. Однако существует возможность сделать еще один шаг в изучении внутренней истории и смысла памятника, отразившегося в древнейшем русском летописании.

3.

Обращаясь к событиям 60-х гг. IX в. в Подунавье, внимание невольно привлекает группа людей, оказавших огромное влияние на судьбы славянского мира и, к слову сказать, прошедших именно тем путем, который был усвоен в легенде апостолу. Речь идет о "солунских братьях" – просветителях славян Константине-Кирилле и Мефодии с их учениками, с именами которых связано возникновение и распространение славянской азбуки, литургии и церковного "устроения" в Великой Моравии, Паннонии и Болгарии. Будучи приглашены из Константинополя в Великую Моравию, они прошли вверх

по Дунаю через Болгарию, которой еще предстояло принять крещение (вспомним: "на горах сих..."), провели несколько лет среди мораван (т.е. "словен") после чего совершили путешествие к Святому Престолу – то ли по требованию папы Николая I, то ли, как считают некоторые, в силу некогда данного Константином-Кириллом обета посетить Рим.

Совпадение реального маршрута и маршрута легенды могло быть случайным. Но сравнивая маршруты миссионерской деятельности апостола Андрея на берегах Черного моря с последовательностью путешествий Константина-Кирилла по тем же областям – в Херсонес, к хазарам в Приазовье, на Балканы и в Подунавье – приходишь к мысли, что просветитель славян сознательно шел по следам апостола, как бы выполняя долг духовной преемственности по завершению его дела. Последнее тем ярче бросается в глаза, что, в отличие от римской Церкви, восточная, византийская, из которой вышел Константин-Кирилл, крайне мало занималась миссионерской (апостольской) деятельностью, поэтому ревность "солунских братьев" к проповеди среди язычников в Константинополе середины IX в. должна была вызвать удивление, а то и прямое неодобрение. Наоборот, те же причины приковывали к ним внимание Рима, справедливо опасавшегося влияния константинопольской Церкви в Подунавье, где уже работали католические миссионеры.

Здесь не место излагать историю деятельности "солунских братьев" и их учеников, которым посвящена обширная литература [42]. Достаточно сказать, что первое впечатление о наличии связи между проповедью братьев и "хождением" апостола Андрея – с самого начала и до их появления в 867 г. в Риме – находит подтверждение и в дальнейшем. Встреченные папой Адрианом II (папа Николай I незадолго до их прихода умер), славянские просветители торжественно поднесли римскому первосвященнику мощи св. Климента, найденные Константином в Херсонесе, и богослужебные книги на славянском языке. Последние были положены понтификом в храме св. Марии, "иже нарицается Фотида", и над ними была отслужена католическая литургия. В тот же день по ним с участием Константина, Мефодия и их учеников было совершено торжественное богослужение на славянском языке в соборе святого апостола Петра.

Последовательность этих служб вполне соответствует торжественности каждого момента. Менее понятно совершенное братьями на второй день их пребывания в Вечном Городе богослужение в церкви св. Петрониллы (или Петрониды), заставляя предположить, что эта

святая, ничем более ими не отмеченная, была тезоименна их матери, о которой нам ничего не известно. Но особый интерес вызывает сообщение, что на третий день братья с учениками собрались в храме св. апостола Андрея, где совершили благодарственную службу, причем ранее, чем апостолу Павлу, к стопам которого они "припали" только на четвертый день. Этот факт может быть истолкован лишь как признание ими Андрея своим небесным наставником и руководителем, чье дело проповеди в "скифских" землях они привели к успешному завершению, создав для славян ("скифов") собственную грамоту, переведя на нее богослужебные и священные книги и утвердив славянскую же литургию.

В том, что это именно так, убеждает недавнее открытие болгарского историка Стефана Кожухарова.

Работая летом 1978 г. в книгохранилище Зографского монастыря на Афоне, Кожухаров обнаружил канон, посвященный апостолу Андрею, автором которого оказался один из ближайших учеников Кирилла и Мефодия, Наум Охридский. Имя автора и адресата канона раскрывалось в акростихе, который сообщал, что "Первого Христова апостола восхваляет нищий Наум". "Первого" - т.е. "Первозванного". Открытие это имело огромное значение еще и потому, что до находки Кожухарова не было известно ни одного произведения, связанного с именем Наума. Для нас же особенно важно то обстоятельство, что в своем каноне Наум проводил параллель между самоотверженной деятельность апостола, просвещавшего евангельским учением северных варваров и за то потерпевшего от них мучения и гонения, со своими учителями, Кириллом и Мефодием. Параллель не предлагалась - она прямо утверждалась вплоть до таких подробностей, как радость Андрея, которую тот проявил, увидев приближение конца своей земной жизни, "как и учитель мой, провидя свою смерть", подчеркивал Наум[43].

Теперь можно попытаться представить историю появления легенды о "хождении" апостола, отразившуюся в ПВЛ.

"Солунские братья" находились в Риме около двух лет - до смерти Константина-Кирилла, будучи окружены вниманием видных деятелей Церкви и просто образованных людей, которым, как повествуют жития, они рассказывали о славянских странах, обычаях народов, вновь устроенных церквах и о своей деятельности. Можно утверждать, что ими был написан и передан в архив Ватикана подробный отчет обо всем, что они видели и что сделали, содержавший

9* - 113

очерки быта славян, в том числе и пассаж о парильне с объяснением, что тем самым "творят себе не мученье, а мовение". Такой подробный отчет о новообращенных народах обязан был представить каждый миссионер. Очень вероятно, что из этого отчета позднее и был заимствован отрывок о банях, будучи переработан вполне в католическом духе в рассказ о веселых и находчивых монахах монастыря Фалькенау в Ливонии. Гораздо важнее, что на основе этого отчета могло возникнуть в кругу учеников "солунских братьев" произведение, названное А.А.Шахматовым "Сказанием о грамоте словенской", которое и содержало краткую историю моравской миссии. Вступлением для нее могла послужить легенда об апостоле Андрее, как можно думать, явившемся некогда Константину-Кириллу с требованием завершить начатое им, апостолом, дело и с сообщением о своем "хождении", что объясняет и данный Константином обет посетить Рим.

Но в ПВЛ попал не первоначальный и даже не вторичный текст, а запись какого-то их пересказа, причем рассказ о собственно моравской миссии был помещен отдельно под 898 годом ("В лето 6406..."), тогда как упоминание дунайского пути "из варяг в греки" было дополнено переписчиком и оторвано от "хождения" географической вставкой о реках, текущих из "Оковского леса" на три страны света. Стоит заметить, что под "Волгой" этот географ понимал, скорее всего, Оку, по которой и был назван самый лес...

Содержание первоначального "Сказания..." должно было вызвать острое недовольство церковных кругов в Константинополе, как и все, что было связано с моравской миссией Кирилла и Мефодия, обращением их к Риму и последующей деятельностью их учеников, способствовавшей укреплению независимости (автокефальности) болгарской Церкви от Константинополя, а в конечном счете - самой Болгарии. Уже одно это обстоятельство может объяснить полное молчание византийских источников того времени как о "солунских братьях", так и о миссии в Моравию, куда они были направлены по просьбе князя Ростислава.

Однако, приключения "хождения" на этом не кончаются. Рассказ о моравской миссии, помещенный в ПВЛ под 898 годом, заканчивается не смертью Константина-Кирилла в Риме, как то было в действительности, а уходом его из Рима в Болгарию "учить болгарский народ" (что прямо указывает на болгарские истоки предания и на более позднее, чем вторая половина IX в., время появления текста), тогда как Мефодия (и это соответствует исторической дейст-

вительности) паннонский князь Коцел ставит епископом "на стол святого Андроника апостола, ученика святого апостола Павла". Андроник, упомянутый апостолом Павлом в "Послании к римлянам", в I в. н.э. действительно был епископом в Сирмии Паннонской (ныне г. Срем) на р.Саве, где мирно скончался. Но далее, после сообщения о переложении Мефодием с помощью "двух попов-скорописцев" с марта по 26 октября "всех книг с греческого языка на словенский", ПВЛ разражается ожесточенной тирадой:

"Словенскому народу учитель есть Андроник апостол; к моравам доходил и апостол Павел, и учил тут. Тут и Иллирик, до него дошел апостол Павел, тут и были словене поначалу. Так что словенскому народу учитель есть Павел, от этого племени и мы, русь; так что и нам, руси, учитель есть Павел апостол, поскольку он учил словенский народ и поставил епископа и наместника словенскому народу Андроника..." [44]

Чем вызвано такое ожесточение?

Отголоски двух тенденций в истории просвещения славянских земель, восходящие по одной версии к Андрею, а по другой - к Павлу и Андронику, можно заметить не только в ПВЛ, но и в литературе, посвященной "солунским братьям". В моравско-паннонских житиях и похвальных словах Кириллу и Мефодию нет никаких упоминаний о миссионерской деятельности апостола Павла. Что же касается Андроника, то его имя упомянуто поставительной грамотой папы Адриана П, выданной им Мефодию. Не названы они и в древних глаголических службах Кириллу и Мефодию, нет их и в "Сказании о письменах" Черноризца Храбра, сохранявших, повидимому, великоморавскую или болгарскую традицию.

Наоборот, в древнейших русских минейных списках служб Кириллу и Мефодию можно найти уподобление просветителей апостолу Павлу. Так о Кирилле-Константине утверждается, что он "Павлу блаженному ученик был, его же деяниям следовал, прошел до краев западных, рассевая слово в народах". Подобного сравнения удостоился и Мефодий: "Нашелся новый Павел, премудрый, мысленно крест Христов на себя возложив, святой, дошел до запада, лесть идольскую всю раззоряя, все ереси, блаженный, уничтожая" [45].

Ситуация чрезвычайно любопытная: так кто же - Андрей или Павел? Но традиция, связывающая имена "солунских братьев" с апостолом Павлом, прослеживается только в их ранних русских службах и в ПВЛ. Больше того, динамика и резкость цитированного выше отрывка оставляет впечатление, что перед нами свидетельство не истори-

ческой традиции, а голос возмущенного павликианина, попавший в текст из маргинальной глоссы, по ошибке внесенной переписчиком в произведение, использованное в этой части ПВЛ.

Движение павликиан возникло во второй половине УП в. в Армении и уже в УШ в. распространилось во Фракии. В Х в. центром павликианства стал Филиппополь, теперешний Пловдив, с его окрестностями. Во многом сходные по своим воззрениям с манихеями и месалианитами, павликиане создавали в народе почву для богомильства, которое захватило не только болгар, но и "русь". Дм.Ангелов, один из видных исследователей средневековых ересей в Болгарии, опираясь на греческие и славянские памятники письменности, показал, что борьбу против еретиков вели как раз ученики "солунских братьев", обличая отход тех от догматического православия в обрядности, толковании символа веры и в нарушении церковных установлений [46].

Повидимому, фронт борьбы был гораздо шире, затрагивая историю славянства, вопрос о происхождении славянской грамоты, литургии, перевод книг и многое другое. Отсюда и большое число дошедших от IX и X вв. сочинений, посвященных происхождению славянской азбуки, авторы которых защищали и пропагандировали деятельность Константина-Кирилла и Мефодия. Но вот, что любопытно. Если павликианство, как ересь, было гонимо порой весьма жестоко в самой Византии, а после падения Первого Болгарского царства - и в Болгарии, то на его новой родине - на Руси - павликианское утверждение приоритета апостола Павла в деле просвещения славян и распространения славянской письменности оказалось выгодно греческому духовенству. Речь шла не об установлении исторической истины. Умаление роли апостола Андрея, а вместе с ним - Кирилла и Мефодия, способствовало, с одной стороны, подавлению и искоренению памяти об автокефальности болгарской церкви и болгарского народа, а с другой - дискредитации роли Рима, с которым в середине XI в. у Константинополя произошел полный церковный разрыв.

Ну, а то, что тем самым духовная цензура по-своему "правила" русскую историю вместе с историей ее культуры, искажая историческую реальность, перенося события с Дуная и из Моравии на Днепр и Волхов - никого не интересовало... Справедливости ради следует отметить, что в ПВЛ - правда, вскользь- нашла отражение и "научная" точка зрения, утверждавшая, что "здесь ни апостолы не учили, ни пророки предрекали", впрочем, тут же следовала и оговорка: "но если телом апостолы здесь не были, то учение их,

как трубы, звучат по вселенной в церквах"[47].

Теперь можно подвести итоги.

Как выяснилось, небольшой фрагмент анекдотически звучащего текста содержал обширную информацию. Она позволила уточнить историческую географию древней Руси, понять действительный смысл словосочетания "путь из варяг в греки и из грек", столь долго вводивший в заблуждение историков, поскольку за ним открывается трансевропейский путь по Дунаю и Одеру (Висле), понять мысли и чувства славянских просветителей, понимавших величие собственной миссии, а вместе с тем увидеть одну из идейных схваток между наукой и ересью, за которой скрывались далеко не бескорыстные побуждения.

Очень вероятно, что "Сказание об обретении письменности славянами" - или "О деяних новых апостолов" - от которого до нас в пересказах дошли отрывки, упоминающие "путь из варяг в греки", "хождение апостола Андрею по Дунаю", "о банях словенских", а, возможно, и о тождестве "словен" с "нориками", было создано не Наумом Охридским, который написал канон апостолу Андрею, а кем-либо из его учеников, создавших "Житие Наума" и службу ему. Последнее тем более вероятно, что в "Житии Наума" Мефодий с учениками прямо уподобляются апостолам, как то: "начали по суху свой путь совершать, апостольски проповедуя православную веру", "святые же, идучи, шли посреди града, как некогда апостолы в Иерусалиме" и т.п.[48] Как бы то ни было, но сочинение это, возникшее на болгарской почве в конце IX, а вернее - в начале X в., впоследствии оказалось на Русской земле, в Киеве, где переделанное в соответствии с новой географической обстановкой было использовано в обширном историко-этнографическом "вступлении" ПВЛ древнейшей редакции[49].

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб, 1908.

2. Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания. ИОРЯС, т.XXVI, Пг., 1921; т.XXVII, Пг., 1922.

3. Никольский Н.К. Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Вып.I, Л., 1930. Из более поздних работ см.: Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.

4. Шахматов А.А. Повесть временных лет. т.I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, с.6-8.
5. ПСРЛ, т.38. Радзивиловская летопись. Л., 1989, с.12-13.
6. ПСРЛ, т.2. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб, 1908, стб. 5-7.
7. Там же, разночтения.
8. Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851, с.1-2.
9. ПСРЛ, т.I. Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л., 1926, стб. 5-7.
10. Там же, разночтения.
11. ПСРЛ, т.I, стб. 83.
12. Малышевский И.И. Сказание о посещении Русской страны св. апостолом Андреем. В кн.: Владимирский сборник в память девятисотлетия крещения России. Киев, 1888, с.39.
13. Васильевский В.Г. Труды. т.2, вып.I. СПб, 1909, с.3-55.
14. Там же, с.213-295.
15. Голубинский Е.Е. История русской Церкви. т.I, первая половина. М., 1880, с.4.
16. Малышевский И.И. Указ. соч., с.21.
17. Голубинский Е.Е. Указ. соч., с.21.
18. Седельников А. Древняя киевская легенда об апостоле Андрее. Slavia, т.Ш, ч.2 и 3, Praha, 1924, с.316-335.
19. Погодин А. Повесть о хождении апостола Андрея в Руси."Byzantinoslavica", т.УП, Praha, 1937-1938, с.128-147.
20. Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с.407-418.
21. Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород. В кн.: Летописи и хроники. 1973. М., 1974, с.48-63.
22. Кузьмин А.Г. Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи. В кн.: Летописи и хроники. 1973. М., 1974, с.47.
23. Робинсон А.Н. "Маршрут" апостола Андрея.Scando-Slavica, т.29, København, 1983, с.77-100.
24. Брим В.А. Путь из варяг в греки. Известия АН СССР, УП серия, Отделение общественных наук. Л., 1931, с.201-247.
25. Свердлов М.Б. Транзитные пути в Восточной Европе IX-XI вв. Известия ВГО, т.101, № 6, Л., 1969, с.540-545.
26. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.,

I963, с.224-227; его же: Киевская Русь и русские княжества ХП-ХШ вв. М., I982, с.I25-I28,294.

27. См.: Кларк Г. Доисторическая Европа. М., I953, с.242-279.
28. Вяземский П.П. Две статьи. Волк и лебеди сказочного мира. Ходили ли скандинавские пилигримы на поклонение к святым местам через Россию? Воронеж, I893, с.35-98.
29. См., напр.: Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., I956; Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X-ХШ вв. Л., I968 и др.
30. В этом плане любопытным примером квазинаучного использования археологических и прочих свидетельств является глава "Путь из варяг в греки" в монографии Г.С.Лебедева "Эпоха викингов в Северной Европе" (Л., I985, с.227-235), где конкретика фактов подменяется общеконцептуальными постулатами.
3I. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., I989, с.44-5I, 29I-33I.
32. См.: Коледаров П. Политическа география на средновековната Българска държава. Първа част. София, I979.
33. Ковачев Н.П. Средновековното селище Киево, антропонимът Кий и отражението му в българската и славянската топонимия. "Известия на института за болгарски език", кн. ХУI, София, I968, с.I25-I34.
34. См.: Български средновековни градове и крепости. т.I, Варна, I98I, с.I55 и далее.
35. ПСРЛ, т.I, Лаврентьевская летопись, стб. 7.
36. Личное сообщение А.М.Микляева о его докладе в Гос. Эрмитаже. К этому стоит добавить, что древнерусские "авторы" ПВЛ, по-видимому, хорошо отдавали себе отчет в невозможности иного пути из Новгорода по Волхову в Рим, как только "по морю Варяжскому" в устье Одера, где от Волина начинался традиционный путь на юг.
37. Васильевский В.Г. Труды, т.П, вып.I, с.2I4-227.
38. Малышевский И.И. Указ. соч., с.2I и далее.
39. В этом плане интересны наблюдения И.С.Чичурова, предпринявшего недавно сравнительно-исторический анализ византийской и русской традиций сказания об апостоле, и пришедшего к выводу о "принципиальных расхождениях в отношении Византии и Руси к идеологической значимости культа ап. Андрея", в конечном же счете - о независимости русской традиции от Констан-

тинополя (Чичуров И.С. "Хождение апостола Андрея" в византийской и древне-русской церковно-идеологической традиции. В кн.: "Церковь, общество и государство в феодальной России", Сб. статей. М., 1990, с.20).

40. См.: Соколов М. Из древней истории болгар. СПб, 1879; Златарски В. История на Българската държава през средните векове, т.I, ч.2, София, 1971, с.45-165.
41. Войнов М. За разрива между Борис I и Рим. "Известия на Института за българска история", т.7, София, 1957, с.322.
42. Для ориентации в ней можно рекомендовать очерк Истрина В.А. "1100 лет славянской азбуки", Изд. 2-е, М., 1988, и указатель Можаевой И.Е. "Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике".1945-1974. М., 1980, а так же "Сказания о начале славянской письменности" М., 1981.
43. Стойчев Ст. Хилядолетното българско слово. "Вестник АБВ", София, 22.У.1979, с.I.
44. Полностью текст сохранился в Радзивиловском списке ПВЛ (ПСРЛ, т.38, Л., 1989, с.19).
45. Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности."Труды славянской комиссии", т.I, Л., 1930, с.III-II2.
46. Ангелов Дм. Богомилството в България. София, 1980.
47. ПСРЛ, т.I, стб.83.
48. Лавров П.А. Указ. соч., с.186.
49. См. об этом также: Никитин А. По следам апостола Андрея. "Наука и религия", 1990, №№ 9-12.